

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В НОВЕЙШЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

E. de la Vaissière. Histoire des marchands sogdiens. Paris, 2002 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes études chinoises. XXXII. 414 p.).

Великий Шелковый путь – один из наиболее интригующих феноменов в истории человечества. «Идея “шелкового пути” породила обширную историографию по торговому, религиозному и художественным контактам между эллинизированным, а затем мусульманским Ближним Востоком и Центральной Азией. Сила образа обусловила исключительную распространенность сюжета. Между тем ни один объект исторического исследования, который мог бы быть назван “шелковым путем”, не был в точности определен... Эта идея не основана ни на какой ясной исторической концепции и смешивает торговые, религиозные и дипломатические аспекты в направлении, где решающую роль играет историческая география», – этими словами начинается исследование «История согдийских торговцев», написанное французским востоковедом Этьеном де ля Вессьером, сотрудником Центра археологических исследований *École Normale Supérieure*. Материал, собранный и проанализированный в этом фундаментальном труде, касается не только сложения и функционирования того исторического явления, которое принято называть Великим Шелковым путем. В нем поднимается множество смежных вопросов, относящихся к источниковедению, исторической географии, политической истории и многим другим историческим дисциплинам, касающимся истории областей от Балкан до Южного Китая и от Йемена до Скандинавии на протяжении полутора тысяч лет. Однако основную ценность представленной 400-страничной книги составляет, на наш взгляд, точное (насколько это позволяют источники) определение именно этого понятия, освобождение его от псевдоисторических образов и мифов, его интегрирование в историю конкретных народов и регионов. Для осуществления этой задачи Э. де ля Вессьер реконструирует историю согдийских купцов, а фактически – всю известную нам согдийскую историю. Как указывает сам автор, «... согдийская торговля никогда не была предметом исторического исследования, которое выявило бы ее истинную роль во всем ее многообразии». Таким образом, историческая абстракция представлена в виде истории реальных лиц, общин, народов.

Книга состоит из четырех частей и десяти глав. Деление на части обусловлено разбивкой самой истории согдийских торговцев на определенные периоды. Первая часть (с. 15–99) «Древняя торговая сеть (от зарождения до 350 г.)» посвящена начальному этапу. В I главе «Происхождение согдийской торговой сети: попытка хронологического определения» автор останавливается на источниках, предшествующих «Старым письмам», анализирует их данные по исторической географии Согдианы. Он приходит к следующим наиболее существенным выводам: во-первых, нет никаких оснований говорить о развитой масштабной согдийской торговле в эпоху Ахеменидов (с. 26); во-вторых, установление контактов согдийцев с Китаем не было следствием покорения Согдианы Александром Македонским, как обычно принято считать. По мнению автора, знакомство согдийцев с Китаем, хотя и опосредованное, может датироваться только концом III – началом II в. до н.э.

Именно поэтому II веком до н.э. можно датировать зарождение торговой системы согдийцев (с. 27–31). Начало ее сложению было положено китайскими посольствами в Среднюю Азию: китайские послы должны были найти поддержку в борьбе против кочевых племен сюнну. Наряду с дипломатической активностью быстро развивается и коммерческая деятельность: народы Средней Азии принимают плату за свои услуги шелком, шелком же послы китайского двора оплачивают товары, которые они затем привозят в Китай. В Средней Азии рождаются спрос и рынок китайских товаров, пусть и в очень ограниченных количествах. Согдиана – среднеазиатская область, ближе других расположенная к миру степных кочевников, уже в силу своего географического положения находилась в сфере интересов китайской дипломатии. Однако развитие международной согдийской торговли в исторической перспективе не предшествует торговым системам бактрийцев и парфян, а наследует им, тем более что основные торговые пути из Китая в Индию в этот период проходили к югу от Согдианы через Памир и Гиндукуш. В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры главной торговой силой в Средней Азии была Бактрия (с. 40–42), а согдийцы контролировали лишь один из второстепенных путей.

II глава «Вокруг Старых писем» посвящена важнейшему источнику для всей согдийской истории – «Старым письмам». Их важность для рассматриваемого сюжета повышается в значи-

тельной степени и потому, что второе из этих шести писем, адресованное Ганьсу в Самарканд, – единственный источник, который свидетельствует о существовании подлинной торговой сети согдийцев, а не просто тех или иных отдельных смельчаков. «Старые письма» ставят неразрешимый пока вопрос о неожиданности появления полномасштабной торговой сети согдийцев, игравшей уже весьма заметную роль в политической жизни Китая. Касаясь даты составления «Старых писем», являющейся предметом длительных споров, Э. де ля Вессьер приходит к выводу, что наиболее приемлемой датой их составления является 311 год. К этому времени среднеазиатские торговцы, прежде чем попасть в Китай, переходили Памир, царства Хотан и Лулан. В 90 км к западу от Дуньхуана эти письма и были спрятаны в сторожевой башне. Письма такого рода, отправляемые из разных торговых точек, собирали и свозили воедино, что свидетельствует о существовании четко определяемой и персонализируемой среды согдийцев на расстоянии 3000 км от родины. Эта среда основывалась на семейных кланах, разные части которых поддерживали прочные и регулярные отношения на всем протяжении торговых путей от Северо-Западного Китая до Согдианы. Их отношения подчиненности на международном уровне строились по принципу пирамиды, известны даже имена их глав, например Нанай-вандак. Эта особенность торговых отношений между Китаем и Средней Азией оставалась характерной чертой функционирования Великого Шелкового пути на всем протяжении его истории. Согдийцы не были в эпоху «Старых писем» ни единственными, ни привилегированными торговыми партнерами китайцев: наряду с ними существовали, например, колонии индийцев. Но именно выходы из Согды сумели победить всех остальных конкурентов. Как показывает Э. де ля Вессьер, роль шелка как средства платежа в Китае обусловила превращение Великого Шелкового пути в активную торговую артерию. Армия и чиновники ханьского Китая, обеспечивавшие контроль над бассейном Тарима, получали содержание не монетами, а шелком, который было значительно легче перевозить, чем монеты. Среднеазиатские торговцы могли выменять шелк в любом количестве на привозимые ими товары. Кроме того, эта система значительно экономила их транспортные расходы, так как до бассейна Тарима шелк доставляло само китайское государство. Таким образом, на первом своем участке Великий Шелковый путь не был собственно торговой артерией (с. 72). Интересно, что кризис середины IV в. не коснулся согдийских общин в Китае, сконцентрированных в основном в бассейне Тарима. К концу IV в. согдийцы оказались главной торговой силой в Китае, вышедшей уже из состояния разобщенных колоний и потеснившей прежних монополистов – кушан и бактрийцев (с. 76).

III глава «Индийская торговля» посвящена анализу сведений «Старых писем» и других источников по торговле согдийцев и их соперников с Южной и Юго-Восточной Азией. Автор подробно анализирует торговую терминологию, вычленил все те немногочисленные сведения, которые позволяют построить связную историю торговых отношений согдийцев с Индией, в особенности согдийские надписи в верхнем течении Инда. Э. де ля Вессьер приходит к выводу о том, что они были составлены спустя несколько десятилетий после исчезновения кушан с политической сцены в Средней Азии. Не вызывает сомнений и их торговый характер (с. 86–90). В первой половине V в. согдийцы покидают этот регион. К первой половине VI в. вырисовывается следующая картина: согдийцы оказались доминирующей силой в торговле китайскими товарами на всем протяжении Центральной Азии. При этом прежде важный маршрут через Памир в Индию потерял свое значение, видимо, из-за экономического кризиса, поразившего Северную Индию в VI–VII вв. Однако контакты между Согдианой и Индией поддерживались вплоть до VII в. В Индии согдийцы не были столь сильны, как в Центральной Азии, у них было слишком много могущественных конкурентов (с. 93–96).

Вторая часть «Торговая империя (350–750 гг.)» (с. 101–191) посвящена времени процветания и наивысшего могущества уже сложившейся торговой сети согдийцев. Завоевание Средней Азии гуннами-эфталтами в начале VI в., образование затем первой тюркской империи в середине VI в. и продвижение через сто лет Китая вплоть до Средней Азии не только не разрушило эту систему, но и составило благоприятный фон для ее расцвета. Наибольшей ценностью в главах, составляющих данную часть работы Э. де ля Вессьера, является комбинирование данных различных традиций по всем затрагиваемым регионам. IV глава «Согдиана – главный рынок» посвящена хронологии и анализу условий возвышения Согдианы над своими прежними конкурентами, прежде всего Бактрией. Новые волны переселенцев с Сырдарьи в Согдиану, ее сельскохозяйственный подъем, количественный рост поселений и увеличение их территории, а также одновременный с этим процессом упадок Бактрианы во второй половине IV–VI в. явились тем фоном, на котором стал возможен расцвет согдийской торговли. Согдийцы также сумели воспользоваться в своих интересах притоком серебра в империю эфталтов – размах их торговых операций в направлении Китая возрос еще больше (с. 118). Рост населения и благосостоя-

ния вызывал необходимость выводить новые колонии (в Чач и Семиречье), что также способствовало укреплению Великого Шелкового пути и интенсификации перемещения товаров и людей по нему (с. 118–123).

V глава «В Китае» посвящена анализу источников, касающихся пребывания согдийцев в Китае. Важной составляющей исследования является идентификация этнической принадлежности согдийцев в китайских источниках (с. 124–128). Далее устанавливается, что, как и в Семиречье, согдийская колонизация Китая носила «аристократический» характер (с. 129). Автор устанавливает, что согдийцы использовали как южную, так и северную ветвь Великого Шелкового пути. Фактически они заняли все большие оазисы (с. 130–133) и создали там настоящее общество – с развитой инфраструктурой, обеспеченной носителями всех имевшихся на тот момент ремесел, в нем были представлены все слои: монахи, жрецы, солдаты, дипломаты и т.д. (с. 138–140). Именно согдийцы оказались в 1500 км от Согдианы полными монополистами в области торговли в Северном Китае. Однако им приходилось постоянно бороться за сохранение приоритета этого маршрута: персы наладили свой шелковый путь по Индийскому океану, иудейские купцы, действовавшие на просторах евразийских степей, также были силой, с которой приходилось считаться. Примечательный феномен: о китайских купцах на Великом Шелковом пути почти ничего не известно (с. 143). Согдийское влияние распространялось даже на Тибет (с. 152).

VI глава «Структуры» – центральная во всем исследовании. Именно анализ социальной и экономической структуры согдийских общин превращают Великий Шелковый путь из абстракции в историческую реальность. Первоочередной и блестяще выполненной автором задачей является в данной работе выделение купеческого сословия и определение его места в согдийском обществе (с. 155–163). Представители сословия были высокопоставленными, но не ассимилированными согдийскими аристократами. Согдийская культура так и осталась героико-аристократической. Влияние торговцев в ней почти не прослеживается (с. 158–159). Нет, однако, я сведений о прямом участии аристократов в торговых предприятиях (с. 160).

Анализ структуры согдийских общин привел Э. де ля Вессьера к следующим результатам: большая часть купцов была мелкими торговцами, циркулировавшими между тремя-четырьмя рядом расположенными городами. Лишь немногие решались предпринимать вояжи от Алтая до Черного моря. Вероятнее всего, крупные торговцы основывали купеческие «ассоциации» и руководили ими. Для предотвращения вывоза драгоценной монеты согдийцы чеканили простые жетоны, служившие средством обмена между ними самими.

И роль жетонов не была сколько-нибудь заметной (с. 169). Функционирование Великого Шелкового пути и в период его наивысшего расцвета происходило путем безденежного товарообмена. В обмен на шелк согдийцы везли драгоценные металлы, травы, благовония и многое другое. Тяжело груженные караваны шли в обе стороны, и грузили их всем, что могло иметь ценность во Внутренней Азии (с. 171). Состояли эти караваны не только из верблюдов, а также из лошадей, мулов, ослов, а на некоторых участках груз людям приходилось нести на спине. В глобальном отношении функционирование Великого Шелкового пути не основывалось на отношениях купцов или государств с обеих сторон, но строилось по модели уравнивания интересов китайского государства и согдийских купцов» (с. 174).

«Тюрко-согдийская среда» и «Послы и купцы: пути на запад» – две главы третьей части монографии Э. де ля Вессьера «Торговля и дипломатия (550–750 гг.)» (с. 197–253). В них повествуется о том, как складывались отношения согдийских купцов с их покровителями на востоке и конкурентами на западе и севере. Автор на основе многочисленных источников, как письменных (арабских, персидских, китайских, византийских), так и археологических, реконструирует историю борьбы согдийцев за северные и западные рынки сбыта. Выясняется новая особенность Великого Шелкового пути периода его расцвета: основной движущей силой на нем были не просто согдийцы, а носители согдийско-тюркской культуры, часто выходцы из смешанных семей. Религия, письменность, особенности политической жизни – этим нововведениям тюрки обязаны согдийцам. Автор приходит к выводу, что первые контакты согдийцев и тюрков были установлены еще до выезда первых согдийских колоний в Семиречье и до завоевания Согдианы тюрками, т.е. еще до V в. Расцвет Великого Шелкового пути, таким образом, есть не что иное, как «возобновление в пользу тюрков более древних отношений между согдийцами и кочевниками». И наряду с Дальним Востоком другим направлением приложения усилий согдийских торговцев была тюркская степь (с. 203), а осуществление торговых контактов между тюрками и Китаем (в частности, масштабная торговля лошадьми) также находилась в руках согдийцев (с. 208). Восстание Ан Лушана, начавшее период смуты в танском Северном Китае в 50-е годы VIII в. и ставшее одним из губительных событий для истории согдийской торговли, также зародилось в согдийско-тюркской среде и было вызвано торгово-военными причинами (с. 216). По-

ражение восставших и вторжения тибетцев, смена тюрок уйгурами на востоке степной зоны нанесли тяжелейший удар по торговым согдийским колониям. На долгое время жизнь в них замерла, центр тяжести был перенесен на запад, где позиции согдийцев при поддержке хазар были достаточно сильны в Крыму и на Западном Кавказе. Длительная борьба за преобладание на путях на Ближний Восток, за возможность обосноваться в ближневосточных городах также окончилась поражением.

Четвертая часть «Распад сетей (700–1000 гг.)» (с. 257–332) посвящена завершающему этапу функционирования Великого Шелкового пути. В X главе «Согдийцы в период ислама» рассматривается весь спектр вопросов по истории Согдианы и согдийцев вне исторической родины в первые века мусульманской эпохи. В целом наиболее богатые согдийские купцы пытались продолжить политику приспособления к новым завоевателям, но проарабской партии в их среде не сложилось, а прокупеческая партия в среде новых завоевателей не возобладала. Сопротивление населения, сохранение иранских языческих традиций в культуре (религия, язык, изобразительное искусство и т.д.), стремление арабов приспособить торговые пути к своим нуждам с их перераспределением на запад (согдийцы, впрочем, пытались следовать этому процессу: торговцы из Согды проникали на юг вплоть до Йемена и Омана!), грабеж городов вызвали перенос столицы Согдианы из Самарканда в Бухару и постепенный упадок прежних торговых общин. «Мусульманское завоевание, которое могло бы обогатить и развить согдийскую торговлю, не стало тем шансом, которым могли бы воспользоваться согдийцы», – заключает Э. де ля Вессьер.

Последняя глава «Разрывы и ассимиляции» очерчивает историю согдийцев в последний период их существования (X – начало XI в.) как идентифицируемого по источникам народа. Перенос центра тяжести в среднеазиатской торговле из Самарканда в Бухару вызвал и смену основного ассортимента товаров: большую их часть отныне составляли хлопковые ткани и шерстяные ковры. Несмотря на вытеснение согдийских купцов с торговых путей такие товары, как бумага, муск, а также рабы, продолжали рассматриваться в арабских и персидских текстах как согдийские. Шелк больше не поступал из Китая, наоборот, он шел с Запада. Этому способствовали и изменения в самом китайском обществе: центральное правительство фактически потеряло контроль над северными территориями, монеты заменил шелк как платежное средство, бассейн Тарима во второй половине VIII в. оказался в руках тибетцев, что не могло благотворно сказаться на судьбе согдийских торговых колоний, а на место согдийских купцов пришли сами китайцы. Однако согдийцы заняли высокопоставленное место в среде уйгур – новых покорителей востока степной зоны и не исчезли окончательно с торговых путей, но соединили Китай и Уйгурский каганат. Однако документов, подтверждающих участие согдийцев в перемещении товаров с востока на запад, в нашем распоряжении нет. Политические и культурные контакты между Согдианой и востоком Степи возобновляются в IX в., но не перерастают в торговые. В следующем столетии самаркандцы проникают в Китай даже по морскому пути, вытеснившему окончательно сухопутный. Тот факт, что саманидские монеты совершенно не известны на территории Китая, говорит о прекращении функционирования Великого Шелкового пути. После 930 г. согдийские колонии в бассейне Тарима были предоставлены самим себе, но еще два столетия спустя согдийский язык остается разговорным в Семиречье.

Таким образом, Великий Шелковый путь предстает перед нами в своем развитии от местной торговли товарами, спрос на которые был порожден дипломатическими дарами, и от товарообмена между рядом стоящими поселениями до полномасштабной торговой сети, функционировавшей в разных направлениях на протяжении нескольких тысяч километров от Китая до Западного Кавказа, Крыма, Балтики и Северного Урала. На разных участках этого пути и в разное время торговля могла осуществляться как отдельными купцами, так и их корпорациями. Но единство этой торговой артерии обеспечивалось наличием согдийских торговцев, укорененных в местных обществах. Именно в единстве торговых общин согдийцев предстает перед нами Великий Шелковый путь в интерпретации Э. де ля Вессьера. Умение согдийцев приспособиться к власти доминирующих политических сил – кушан, уйгуров, хазар, саманидов и др. – обуславливало устойчивость этой системы. Два столетия расцвета – V и VI века – блестящая эпоха в истории согдийских купцов, создавшая на века вперед легендарный образ Великого Шелкового пути – бесконечной вереницы караванов с китайским шелком, идущей с востока на запад. На самом деле поток товаров осуществлялся не только в оба направления – с востока на запад и с запада на восток. Ось север-юг также должна быть причислена к ответвлениям Великого Шелкового пути. Как часто бывает в истории, конец его истории парадоксален: борьба различных политических сил за преобладание на просторах евразийских степей и привела к его упадку. Разрушение сети торговых общин привело к разрушению самой торговой артерии. Одни лишь согдийцы могли поддерживать его функционирование на протяжении почти семи столетий.

Несмотря на то, что значительная часть источников использована автором в переводах, нельзя не отметить владение русским, японским, китайским, арабским, персидским и согдийским языками, что дало Э. де ля Вессьеру возможность самостоятельно решать многочисленные вопросы, ответы на которые давало, в свою очередь, решение более масштабных задач. Терпеливое восхождение от малого к большому при рассмотрении такого масштабного исторического явления, как история согдийских купцов, а через нее – и история Великого Шелкового пути, скрупулезность в поиске и анализе всех относящихся к делу источников – одна из примечательных особенностей работы Э. де ля Вессьера. Автор проявил прекрасное знание историографии, в том числе и на русском языке, – к библиографии, не просто заявленной, а активно использованной, почти нечего добавить¹. Комплексный подход к рассмотрению определенного исторического явления с филологической, археологической, социологической точек зрения позволил Э. де ля Вессьеру по праву заключить: «Хронология, географический размах, экономическое и культурное значение согдийской торговли отныне известны лучше... Я прояснил контекст ее зарождения... Несмотря на имеющиеся лакуны, исходная гипотеза – существование этой исторической категории – масштабной торговли, осуществленной согдийскими купцами, мне кажется полностью подтвержденной» (с. 333–336). Сам же автор указывает и на перспективы такого рода исследований: «...история согдийских торговцев в том виде, в каком она проявляется в результате данного исследования, далека от завершения. Лакуны в документации оставляют многие сюжеты непроясненными, и зачастую я был вынужден пользоваться в большей степени примерами, чем доказательствами. И если согдийская торговля является историческим феноменом, ее корни точно остаются загадкой... Для заключительной стадии нет данных, свидетельствующих о судьбах торгового сословия в новом мусульманском обществе. Причины и возможность согдийской торговой эмиграции остаются большими загадками в истории согдийской торговли. Эти пробелы заставили меня говорить, скорее, о торговле и согдийских купцах, чем о торговых сетях, что было бы точнее» (с. 335). Высокий уровень работы Этьенна де ля Вессьера вселяет уверенность в то, что вопросы, не нашедшие в ней ответа, обретут свое решение в его следующих трудах.

М.Д. Бухарин

© 2004 г.

P. BRUN. L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie (Ausonius publications. Scripta Antiqua. 3). Bordeaux, 2000. 199 p.

Рецензируемая книга представляет собой исследование, посвященное жизни и деятельности одного из видных политиков Афин второй половины IV в. до н.э. оратора Демада, современника и соперника таких известных политических деятелей, как Демосфен, Эсхин, Ликург, Фокион и Гиперид. Работа состоит из краткого «Предисловия», десяти глав основной части и «Заключения». В книге имеются список известных на сегодня декретов афинского народного собрания, предложенных Демадом, библиография и несколько указателей. Названия глав («Исследуя Демада: вопросы методологии»; «Проблемы источников и историографии»; «Его происхождение и деятельность до 338 г. до н.э.»; «Эпоха "Демадова мира", 338–336 гг. до н.э.»;

¹ В дискуссиях по вопросам исторической географии небесполезной была бы монография Л.А. Боровковой «Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э.» (М., 1989). К источникам и исследованиям по взаимодействию уйгуров и согдийцев в середине VII в. можно было бы добавить руническую Терхинскую надпись и посвященную ей статью: Кляшторный С.Г. Восточный Туркестан и каганы Одрубалыка. К интерпретации четырнадцатой строки Терхинской надписи // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 32–35. В этой надписи упоминается этноним «ягма», известный лишь по двум персидским географическим сочинениям («Худуд ал-алам» и «Зайн аль-ахбар»). Этим этнонимом среди прочих народов обозначались и согдийцы. Впрочем, вывод С.Г. Кляшторного не противоречит построениям Э. де ля Вессьера: подчинив в период около 756 г. тюркские племена Восточного Тянь-Шаня и поставив под контроль Карашар, уйгуры поддержали китайские гарнизоны в Куче и Бешбалыке против тибетцев и взяли под свой контроль все северные ветви Великого Шелкового пути с его богатейшими оазисными государствами.